ЛАРИСА МАЛМЫГИНА
ЗАТЕРЯННЫЕ В ПАРАЛЛЕЛЯХ

Лариса Малмыгина
Затерянные в параллелях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27056084
ISBN 9785448588082

Аннотация

Герои фантастических и мистических мини-повестей, помещённых в сборник, попадают в удивительные и порою опасные ситуации, из которых, кажется, нет выхода. Но выход обязательно находится. Для всех ли?

Содержание

Продам семена одуванчиков 5
Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 22
Глава 4 29
Глава 5 36
Глава 6 44
Глава 7 51
Глава 8 58
Эпилог 66
Необычайный вояж черного Мерса 67
Глава 1 67
Глава 2 72
Глава 3 78
Глава 4 84
Конец ознакомительного фрагмента. 87

Затерянные в параллелях

Лариса Малмыгина

Дизайнер обложки Олеся Олеговна Трушкина

© Лариса Малмыгина, 2017

ISBN 978-5-4485-8808-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Продам семена одуванчиков

Глава 1

Разве могла я знать, что тот день перевернет моё скучное, размеренное бытие с ног на голову? Если бы кто-то хотя бы намекнул на это, какая-нибудь малейшая примета встретилась на пути, но нет, не встретилась, не намекнул. Все было как обычно. Светило солнце, в нашем мире его мы воспринимаем как должное, пели птички, вокал которых чаще всего игнорируется.

Иногда я задумывалась над тем, что пичуги с их крохотными по человеческим меркам жизнями счастливее самих этих самых человечков, возомнивших себя царями природы. Еще бы двурукие стали утверждать, что они цари собственной участи! Хм, не смешно. Вышел индивидуум на остановку, решил съездить на рынок за помидорами, а тут подлетела машина с пьяным водителем, и нет индивидуума.

Родилась я пятьдесят лет назад, вышла замуж спустя два десятилетия после рождения. Странным образом все совпало, чтобы мы с Мишкой встретились. Неожиданно для самой себя я отказалась от намеченного плана на вечер, он тоже, я, повинуясь внезапному порыву, направила свои стопы к определенному месту, ранее не посещаемому, он сделала

то же самое. Столкнулись чуть ли не лбами и больше не расставались. И детей нарожали, девчонок-близняшек. К сожалению, в этом не повезло, мечтала я о ласковых, нежных дочках, внешностью похожих на меня, а явились на свет Божий две фурии – подобии своенравной и упрямой свекрови.

Уже в двенадцатилетнем возрасте своим непослушанием и капризами они устроили мне веселенькую жизнь. Свекровь молча веселилась и удовлетворенно потирала вспотевшие от радости ладошки, когда я отбивалась от дочерей, а Мишка предпочитал не вмешиваться. Он всегда предпочитал не вмешиваться. Ни во что. Когда мы начинали выяснять отношения с его придирчивой мамашей, он срочно вспоминал о срочных делах и уходил, оставляя нас наедине.

Прошло время, свекровь умерла, девчонки враз повыходили замуж, а мы, надеясь на долгожданный покой, переехали в пригород, поменяв на коттедж четырехкомнатную городскую квартиру. Естественно, еще и хорошо доплатили за удовольствие жить на природе. Дочки остались в мегаполисе в однушках с муженьками, но неожиданно его, мегаполис, разлюбили и стали наведываться к нам по выходным.

Тогда наш коттедж трещал по швам, превращаясь в жужжащий улей. Бегали по этажам люди, носились, вывалив языки, собаки, завывая нечистой силой, рвали обои кошки, клевали зеркала и истошно орали попугаи. И никто никого не слышал. Я затыкала пальцами уши и запиралась в своей

спальне, благо, она у меня была, так как в доме вмещалось восемь комнат.

– За что боролись, – ворчала я, вечерами рассматривая вишневый сад из окна, – на то и напоролись.

Отдельные маленькие домики в деревне были бы наилучшим выходом для всех, но я, посмотрев «Московскую сагу», вознамеривалась создать такой же рай для своих близких. Только вот, жаль, забыла, что в имении профессора Градова батрачила бессловесная прислуга, а ухоженная глава клана в исполнении Чуриковой, сложив на коленях не знающие тяжелой работы ручки, вальяжно восседала в кресле и, прикрыв тяжелыми веками умудренные жизненным опытом глаза, с легкой улыбкой надзирала за родственниками.

Ну, все, что-то я разговорилась. Надо приближаться к цели повествования. В то утро мы собрались навестить собственных мамочек, спокойно лежащих в могилках на местном кладбище, а потом, до кучи, и остальных усопших, покоящихся на погосте в маленьком городке, откуда я была родом. До него сто километров, но на нашем «Лексусе» долететь до цели за час не было проблемой.

Отчего-то дрогнуло сердце. Я тихонько, на цыпочках, поднялась на второй этаж и заглянула в комнату Светки с Юркой, затем к Насте с Игорем. Молодые, еще не обремененные детьми, сладко спали. Возле каждой пары так же блаженно дрыхли их животные: беспородные коты и глубоко породи-

стые собаки – алабай и долматинец.

Последние приоткрыли по карему глазу и внимательно осмотрели мою стройную до сих пор фигурку, которой я гордилась. Эта фигура досталась мне по наследству от мамы и бабушки с маминой стороны.

– Кристина, спускайся быстрее, – послышался голос мужа. – Тачка уже за воротами.

Я вздохнула и на обмякших ногах потопала вниз. И снова сердце тоскливо сжалось, как от нехорошего предчувствия.

В машине потянуло в сон, я отключилась. Проснулась, когда подъезжали к здешнему кладбищу.

Приведя в порядок могилки, мы оставили на них цветы и отправились к выходу. Вот тогда я услышала мамин голос.

– Кристина, – прошелестел ветер с ее повелительной интонацией, – немедленно возвращайся домой, дочка!

– Почему? – обернувшись, мысленно спросила я и с удовлетворением подумала, что, наконец, имею право делать все, что посчитаю нужным.

Солнце зашло за тучу, над главной аллеей погоста, высматривая съестное, одиноко и молчаливо кружили вороны.

– Не езжайте в Александровск, – жалобно попросила мама.

Я поперхнулась слюной и закашлялась, в голове птицей забилась мысль, что я бы вновь с удовольствием прислушалась к совету мамы, только Мишка настроился на поездку, а отговорить его от принятого решения невозможно.

– Еще чего? – нахмурился он, выслушав мою несмелую просьбу. – Я взял отгул, чтобы не мотаться по дорогам в воскресные дни. В воскресные дни я никуда не поеду. Хочу устроить праздник зятьям и дочкам. Люди в отпусках, побалую их настоящей баранинкой, о ней я договорился с знакомым фермером.

– Баранинкой, так баранинкой, – загрустила я и покорно села в салон.

Вечера с шашлыками стали для нас обычными, мясо уже не лезло мне в рот, но остальным меню нравилось. После застолья обязательно парились с дубовыми вениками в бане, выскакивая из нее, вставали под уличный душ или с визгами прыгали в каркасный бассейн. Всем было весело, а я сдерживала эмоции, покорно наблюдая за вселенским беспорядком. И тогда на помощь приходили одуванчики. Да, да, те самые веселенькие желтые цветочки, нагло оккупировавшие не только наш газон с немногочисленными грядками, но и большую часть суши. По сравнению с их несметными белыми зонтиками, превращающими грунт в непролазные заросли мощнейших корней и делающими рост культурных растений невозможным, собственные беды и неудачи отступали на задний план.

«Вот где настоящее стихийное бедствие, – сжимала зубы я. – А тут всего лишь пьяная вакханалия»!

«Лексус» еле покачивался, набрав бешеные обороты. Ско-

рости не чувствовалось. А гаишники обладали сверхчувствительными слухом и зрением, к тому же, у каждого их них был радар, только ни одного гаишника на шоссе мы не встретили.

– Им пусковой установки не хватает, чтобы уничтожить быстродвижущиеся цели, – недобро глядя на сотрудников ГИБДД, окрещенных благодарным народом соловьями-разбойниками, обычно мрачно заявлял Михаил.

Сейчас он молчал, только шевелились, словно читали молитву, пухлые губы да крепкие пальцы судорожно вцепились в руль. Автомобилей на шоссе становилось меньше и меньше, к тому же, солнце внезапно скрылось за тучи. Казалось, наступала ночь.

– А если будет ливень? – с тревогой высказала предположение я. – Стоило подождать до июня, в мае погода непредсказуемая.

– В июне тоже, – буркнул Мишка, еле удостоив меня взглядом. Он всегда заносился, когда вел авто, аргументируя заносчивость тем, что я его отвлекаю от дороги.

Неожиданно зарядил мелкий осенний дождик, но тут же успокоился. Сквозь пепельную дымку рваного тумана, грузно опустившегося на щербатый асфальт, проявился Александровск, город моего детства. Раньше он казался мне уютным, даже красивым, но сейчас подслеповатые, с облупленной штукатуркой, двухэтажные домики сталинской постройки на окраине привели в уныние. Целые улицы одинаковых,

некогда желтых, зданий скрывали за своими дряхлыми фасадами милые сердцу дворики с поломанными качелями, задавленными ныне мрачными тенями почти вековых деревьев.

– И как ты тут жила? – сморщился и передернул плечами муж.

– Очень даже хорошо жила, – с вызовом парировала я. – И была любимым ребенком!

– Ну, ну, – пристально вглядываясь в лобовое стекло, неопределенно хмыкнул Михаил. – Видимо, навещать твоих родных нам придется в сапогах.

Чтобы попасть на кладбище, надо было проехать весь населенный пункт, выбраться на кольцевую дорогу и по ней двинуться в строну огромного бывшего пустыря, называемого александровцами Сто Первым Километром, на котором покоились мои представившиеся родственники. Их было шестеро: бабушка, папа, тетя, два дяди и двоюродный брат. Брат, проигранный и повешенный картежниками, всегда прятался от посетителей. Вернее, его могила пряталась, так что были случаи, когда мы уезжали с погоста, не найдя его.

– Господи, помоги, – перекрестилась я. Месить могильную жижу отчаянно не хотелось.

И небо сжалилось над грешниками: поднявшийся ветер разогнал свинцовые тучи, держащие в заточении солнце,

просочился в землю туман.

Возле больших, окрашенных в ядовитый синий цвет, железных ворот угрюмого культового заведения было пусто. Ни одна машина не стояла на парковке, ни один человек не появлялся на площадке возле блочного одноэтажного здания местной администрации. Остановившись, мы вышли из «Лексуса» и завертели по сторонам головами.

Стояла нереальная тишина, только ветерок играючи трепал волосы. Его нежное прикосновение успокоило, я расслабилась.

– Бери цветы и банку для воды, – скомандовал муж, – а я возьму лопату. Кстати, не забудь смартфон.

– Почему кругом безлюдно? – ощущая, что стопы приросли к асфальту, с придыханием проговорила я.

– Будни, люди на работе, – отозвался Михаил, подталкивая меня вперед. – Не дрейфь!

Вытащив из салона гвоздики, я обреченно поплелась за супругом.

Глава 2

Освещенная солнцем широкая главная аллея погоста уходила далеко вглубь, по обе ее стороны на засаженных цветами участках размером с гроб ровными рядами стояли нарядные памятники, последнее прибежище дорогих тел заботливо лелеяли пока еще живые родственники старшего и среднего поколения.

«А что с ними будет, если детей не станет? – мысленно спросила я у неба. – Ну, не желают сейчас внуки приезжать сюда к бабушкам и дедушкам»!

– О чем задумалась? – обнял меня за плечи Мишка.

Я промолчала, и мы свернули налево, к папе. Папа сурово смотрел с мрамора своего монумента и глаза его фотографии косились на мою склонившуюся фигуру, рвущую сорняки в цветочнице. Я кожей чувствовала этот взгляд и ежилась от страха.

– Прощай, папочка, – закончив дело, прошептала я и, пытаясь изобразить скорбь, шмыгнула носом. Скорби не было, боль затушевалась, – прошло двадцать лет, как отца не стало. Причем его не стало тогда, когда он бросил маму и ушел к другой женщине.

– Пойдем, – снимая перчатки, приказал Михаил. – Еще пять покойничков остались. Кто там у нас на очереди?

На очереди были бабушка и дядя, мы навестили их, при-

брались, полили цветочки и собрались идти к брату. К тому, который не хотел показываться гостям из материального мира.

– Может, сначала к тете с ее мужем заглянем? – спросила я Мишку, надеясь на его согласие.

– Нет! – отрезал он. – В том году мы Романа не нашли, в этом шутник от нас никуда не денется.

Узкая тропка, направляющая к шутнику, вела в неизвестность, завершением которой был, наверняка, забор. Могилы по обе стороны от нас заросли колючками и осокой, к джинсам крепко цеплялся репейник, дорогу преграждали завалы мусора и разросшиеся без присмотра кустарники одичавших смородины и малины. Из кладбищенских джунглей выглядывали памятники с фотографиями хозяев вечной жилплощади.

– Кристина! – внезапно услышала я чей-то хриплый голос, – Кристина!

Резко обернувшись, я остолбенела. На меня смотрел дядя Гена Ширяев. Тот дядя Гена, в которого я была влюблена в детстве. Он жил под нами, работал фотографом и умел заразительно смеяться. Его жена, тетя Шура, казалась мне страшной, но красивый муж, как ни странно, любил ее. А еще он любил своих детей – старшую, Людку, и младшего, Валерку. С Людкой мы дружили и ходили в один класс, Валерка был младше на пять лет. Потом мы расстались, переехали в другой район, и я понятия не имела, что случилось

с бывшими соседями.

«Значит, дядя Гена тоже преставился, – с болью разглядывая знакомый портрет молодого Ширяева, вздохнула я. – А могилка такая неухоженная! Может, убраться»?

– Кто это? – поинтересовался Миша и не дожидаясь ответа дернул меня за руку. – Не задерживайся, уже пять вечера, а желательно до шести управиться – погода может преподнести сюрпризы.

Я вновь подчинилась, так как привыкла подчиняться. Наверное, чувство неполноценности у меня в крови. Или нет? Мама часто говорила, что я неумеха, а папа всегда молчал. А потом неумеха стала умехой и окончила институт с красным дипломом, а потом неумеха стала руководителем среднего звена, но родителям не хотелось признаваться в ошибке и они до конца делали вид, что не увидели в дочери перемен.

Мысленно попрощавшись с бывшим соседом, я побрела вслед за мужем.

– Кажется, здесь надо сворачивать вправо, – остановился он возле следующей свалки. – Там еще елка росла! Видишь елку?

– Вижу, – кивнула я и вздохнула. Лезть в бурелом желания не было.

– Постой здесь, а я поищу Ромку и позову тебя! – пообещал Миша и решительно направился вглубь погоста. Минута, и он скрылся из виду. Деревья как бы сомкнулись, увлекая жертву в свое логово.

– Миша! – пискнула я.

Молчание.

– Миша! – памятуя, что в мире скорби кричать нельзя, громко проговорила я. Снова молчание.

– Миша! – заорала я, наплевав на рекомендации тех, кто не попадал в подобную ситуацию.

А потом схватилась за смартфон. Короткие гудки потрясли настолько, что я чуть не заплакала.

Второй звонок оказался удачным.

– Кристина, – сквозь помехи спокойно произнес супруг. – Иди вперед, Кристина, и только вперед! Я там!

– Нашел Ромашку? – обрадовалась я.

– Нашел, – согласился Мишка.

– Но почему вперед? Ты ушел направо.

– Не перечь мне, – голос в мобильнике завибрировал. – Иди, куда я сказал!

Почувствовав, что подкашиваются коленки, я облокотилась на что-то твердое, а потом отдернула руку и обернулась. Светловолосая пожилая женщина на фото смотрела на меня с укоризной.

– Простите, – пролепетала я.

Глаза покойницы подобрели. И я ясно увидела на ее губах полуулыбку.

Затравленно оглядевшись по сторонам, я обнаружила, что очутилась в центре внимания местного населения. Странным образом памятники повернулись ко мне каменными фа-

садами и с любопытством наблюдали за незваной гостьей.

«Хоть бы один человек встретился, – взмолилась я небу, равнодушно висящему надо мной. – Хоть бы Мишка объявился! Так в какую сторону надо пробираться? Где забор? Где выход из ада»?

Я набрала номер супруга, но сухой женский голос уведомил меня, что абонент недоступен.

«Итак, – начала рассуждать я. – Стоять на месте и трястись от страха нет смысла, надо куда-то двигаться. Вряд ли кладбище простирается на километры, скорее всего, метров триста, так я их одолею быстро. А если упрусь в забор, потопаю назад, к главной аллее. А муженек у меня получит»!

Что получит муженек, я не знала, так как была совершенно не злопамятна и быстро забывала планы мести, роящиеся в голове минуту назад.

Взяв себя в руки, я пошла. Боковым зрением видела мраморные и гранитные плиты и фотографии на них. Фотографии пристальными взглядами провожали мою спину и о чем-то явно сожалели. Во время путешествия я неоднократно пробовала звонить, но Мишка оказывался неизменно недоступным.

Несколько раз из кустов, громко хлопая крыльями, взлетали вечно голодные вороны, они кружили над моей головой и орали так, что от ужаса волосы становились дыбом. Птицы объединились в стаи так же как объединились в землячество

покойники, только я находилась в гордом одиночестве.

Наконец стало тихо, и я облегченно вздохнула. Воронье испарилось, будто его никогда не было, портреты погоста потупили глаза, но их улыбки приобрели злорадствующее выражение. Сделав еще несколько шагов, я наткнулась на калитку в заборе.

«Назад не пойду, – мелькнула в голове внезапно прилетевшая мысль. – Только вперед! Там должны быть живые люди».

На душе стало легко, я протянула ладонь и толкнула последнее препятствие к свободе.

То, что я увидела по ту сторону кладбища, заставило отступить. Тяжелый серый туман клубился над застывшей в немоте землей и скрывал от взора мои белые кроссовки. Он доходил до середины голени и, казалось, стремился подняться выше, чтобы поглотить и бедра. Я метнулась назад, но не нашла ручки дверцы, ядовитый синий забор высился трехметровой глухой стеной, за забором сияло солнце. Здесь солнце отсутствовало, сизая дымка уныло висела в воздухе, она состояла из крохотных, но различимых глазу песчинок, тускло переливающихся в пространстве.

И тогда я поглядела вперед. Ровное шоссе отутюженным асфальтом уходило в неизвестность прямо из-под моих ног. Оно словно выныривало из основания забора. На дороге никого не было. Не было машин, людей, животных, даже докуч-

ливые комары, любители кладбищенской сырости, не звенели въедливо над ушами. Стояла оглушающая тишина. Повинуясь чьей-то непреодолимой воле, я, как сомнамбула, двинулась вперед, в голове стучали молоточками обрывочные мысли, которые, не сформировавшись, путались в направлении и цеплялись друг за друга.

Постепенно туман стал рассеиваться, проявились очертания пирамидальных тополей, выстроившихся церковными свечками вдоль совершенно пустой трассы. Приглядевшись к деревьям, я ахнула. Кроны тополей были кем-то съедены, вместо крон черными змеями поднимались к небу извилистые, сухие, будто обожженные, ветки.

– Спокойно, Кристина, – не останавливаясь, громко приказала я самой себе. – Если есть дорога, значит, она ведет в поселение живых. На кладбище возвращаться нельзя, там тупики и мертвецы, зорко следившие за тобой. А Миша меня найдет, он догадается, куда я подалась. К тому же, я выберусь туда, где функционирует сотовая связь, и позвоню ему.

Ускорив шаг, я чуть ли не побежала. Впереди замаячил указатель, направо находился населенный пункт. Я чуть ли не подскочила от радости, но радоваться было рано. Названия населенного пункта я прочитать не смогла, таблицу крепко обняла сизая дымка. Только виднелись две буквы – «А» и «В».

Свернув по направлению этих букв, я понеслась к намеченной цели, а остановилась, когда миновала холм и стала

задыхаться. И тут, в низине, пропитанной сыростью, проявились дома. Они были одинаковыми, многоэтажными и свечками высились на приличном расстоянии друг от друга. Меж домов, лишенных парковок с автомобилями, простирался просторный проспект с фонарями из черного металла на длинных столбах.

Покачиваясь, фонари тускло освещали окружающее пространство. Наступали сумерки, самое время для прогулок горожан, пробок для авто и сверкания неоновых витрин. Но по городу разлилось мертвое безмолвие, прерываемое порывами завывающего ветра.

Отдышавшись, я спустилась с холма и направилась к крайнему серому блочному зданию. Напрасно я вглядывалась в окна, надеясь на электрический свет в них, света не было. Зато на первом этаже я обнаружила парикмахерскую «Эльжбета» с изображением худой брюнетки с красными оттопыренными губами на стеклянной двери. Дверь в парикмахерскую была закрыта на замок. К цирюльне пристроился офис или магазинчик с нелепым названием «Пырей ползучий», возле входа в него на деревянной доске объявлений висела приклеенная записка, написанная крупным размашистым подчерком:

«Продам семена одуванчиков оптом и в розницу».

«Что за муть! Прикалываются, наверное!» – фыркнула я.

Но, порывшись в сумочке, нашла ручку и на всякий случай записала в блокнотике номер телефона продавца.

По мере продолжения экскурсии по городу, я окончательно приуныла – ни одной машины не увидела я на широком проспекте, ни одного человека и, как ни странно, ни одного дерева или травинки на обложенном мраморной крошкой потенциальном газоне. Всхлипнув, я побрела по направлению к центру. По обе стороны от меня на первых этажах зданий-близнецов находились магазины, но в них ничего не продавали, кафе, но в них не слышалось музыки, заведения неизвестной ориентации, но без вездесущих гомо сапиенсов.

Воздух посвежел, стало зябко. Меня зазнобило, а потом бросило в пот. Повинуясь внезапному порыву, я вынула из сумочки смартфон и набрала номер продавца одуванчиков.

Секунда, и пошел вызов, а затем усталый мужской голос произнес:

– Алло, я вас слушаю!

Глава 3

– Куплю у вас одуванчики! – чуть не заплакав, закричала я. – Можно оптом! Только встретиться нужно немедленно!

– Неужели? – удивился незнакомец. – В таком случае, через десять минут возле памятника Пушкину.

– А где он находится? – озадачилась я.

– А где находитесь вы? – поинтересовался мужской голос.

– На проспекте…..Маяковского, – наконец, разглядев табличку на углу ближайшей многоэтажки, уже спокойнее ответила я. – Где кафе «Встреча».

– Тогда идите по направлению к центру, там будет сквер Вернадского, – распорядился торговец самым злостным сорняком на свете. – В этом сквере и найдете памятник.

– Хорошо, – пробормотала я и пока обдумывала сказанное, ноги уже набирали скорость.

На ходу я звякнула Мишке, но напрасно. Видимо, на кладбище отсутствовала связь.

«Никогда не слышала, что рядышком с Александровском находится какой-то город, – мысли метались в моей ничего не понимающей, раскалывающейся от боли голове. – Может это Александровск так разросся»?

Безликие блочные дома тянулись по обе стороны серыми застывшими шеренгами, кажется, прошла вечность, я все шла и шла. Неожиданно за закрытым на замок супермар-

кетом «Сарделька», расположенном на первом этаже жилого дома, появился этот самый сквер. В его нише, под монументом восседающему на табурете, нога на ногу, Александру Сергеевичу, примостилась железная, с завитушками на спинке, лавочка. Только деревьев в сквере не было. Из земли, изображая их, торчали длинные бетонные столбы, украшенные летающими змеями, такими, какие продаются и покупаются исключительно на трассах в автомобильных поездках по родной стране. Отсутствовали и клумбы. Огороженные бордюрами прямоугольные квадраты, посыпанные мраморной крошкой, утыкали бумажными цветами ярких расцветок.

Тишина тяготила настолько, что во рту пересохло. Дико захотелось пить. Я походила по лабиринту каменных колонн в надежде найти фонтанчик – безрезультатно. Смирившись с жаждой, я присела на скамейку и обреченно закрыла глаза. Тягучая темная пелена опустилась на плечи и, не соображая, что делаю, я отключилась.

– Здравствуйте, – неожиданно услышала я сквозь сон. – Это вы хотите купить одуванчики?

Подняв тяжелые веки, я с удивлением обнаружила, что сижу не одна. Рядом находился приятный брюнет среднего возраста, одетый в строгий темный костюм, на его шее под накрахмаленным воротником белоснежной сорочки виднелась смешная черная бабочка.

– Моё имя Аркадий, фамилия Феоктистов, – улыбнулся молодой человек и обнажил в улыбке верхний ряд ровных зубов цвета алебастра. – А вас?

– Кристина, – ответила я и вдруг услышала, как натянутая, как тетива, тишина выстрелила электрическим светом уличных фонарей и множеством возбужденных голосов. Возле «Сардельки» собралась людская толпа, граждане весело переговаривались и потоком сливались в растворивший двери супермаркет.

Внезапно грянула музыка, и как по мановению волшебной палочки проснулись окна в домах.

– Моцарт? – удивилась я. – Горожане любят Моцарта? А где они были весь день?

– Горожане любят классиков, – поднял указательный палец, унизанный золотой печаткой, Феоктистов. – Так сколько вы купите семян?

– Пожалуйста, сначала ответьте на второй вопрос, – поклянчила я. – Где были жители города весь день?

– Работали, – минуя небольшую паузу, пожал плечами Аркадий, с его лица слетела чарующая, предназначенная искушать таких лохов, как я, улыбка. – А почему вас это интересует? Вы откуда?

– Из областного цирка. Простите, центра, – озадаченно наблюдая преображение собеседника, пояснила я.

– В областном цирке, простите, центре нет одуванчиков? – вздрогнул мужчина.

– Сорняков там так много, что мы травим их специальными ядами, – вздохнула я и вспомнила вездесущие колонии желтых цветочков, глубоко пускающих в пашню корни.

– Так зачем вам мой товар? – Феоктистов сдвинул брови и поджал губы.

– Затем, что кроме вас у меня никого нет, – слезы брызнули из моих глаз и потекли ручейками по щекам.

– Понятно, – растерялся Аркадий. – Вы приехали на погост в Александровск и оттуда попали к нам, в Троицк.

– Троицк? Пожалуйста, помогите мне выбраться отсюда, – зарыдала я. – Мой муж потерялся на кладбище и, конечно же, ищет меня, но, видимо, не может найти!

– Муж остался на кладбище, – растянул предложение Феоктистов и усмехнулся. – Ночью мы отдыхаем, а утро вечера мудренее. Вставайте, милая дама, и пойдемте ко мне пить чай. У меня и переночуете.

– Может, в гостиницу, у меня есть деньги, – нащупав кошелёк в сумочке, перестала реветь я.

– У нас нет гостиниц, у всех свое жилье, – отрезал собеседник.

– А как же гости города? – удивилась я и вновь шмыгнула носом. Оставшиеся слезы требовали выхода.

– У нас нет гостей города, – нахмурился Феоктистов.

Я поняла, что если не замолчу, могу оказаться на улице,. а потому встала и пошла за спасителем. Мы выбрались из ниши каменного сквера, на ярко освещенных улицах группа-

ми гулял народ. Судя по улыбкам, лоснящимся от довольства, народ на всю катушку отдыхал после трудового дня. Я всматривалась в восторженные лица людей разных возрастов, среди которых преобладали пожилые и откровенно старые, и понимала, что чего-то в этой кутерьме не хватает. Но чего, сообразить не могла. По-прежнему из невидимых динамиков лилась музыка, теперь уже Чайковский «Лебединым озером» парил над головами толпы.

– Новенькая? – цепко схватил меня за локоть худощавый усатый мужик лет сорока в гимнастерке старого образца и галифе. – Аркаша, познакомь!

– Она не новенькая, она пришлая, – резко ответил военному Аркадий. В его голосе прозвучала сталь.

– Аааа, понятно, залетная птичка, – хихикнул усатик и, круто развернувшись, направился к компании невысоких, широких в кости, женщин в старомодных крепдешиновых платьях с накладными плечиками.

Те стояли возле гастронома и в упор рассматривали мою высокую фигуру современного астенического склада.

– Ревнуют, – оповестил пространство мужик и, вонзившись в кольцо крепдешина, обнял две крепких талии.

Чайковский сдал позиции, на смену ему любимейшая «Катюша» весело полетела под сгустившимися тучами.

– Ииих! – послышалось сзади.

– Пляшут? – расслышав цокот каблучков, удивилась я.

– Не задавайте вопросов, – мягко попросил торговец оду-

ванчиками. – И быстрее передвигайте ножками! Выключите органы чувств, подчините воле эмоции, только молчите и не вступайте в контакты ни с кем кроме меня.

«Странно себя ведут аборигены, – меж тем озадаченно размышляла я. – Такое впечатление, что исключительно все высыпали на улицы. И чему они так радуются? После работы женщины обычно спешат домой, чтобы приготовить ужин и накормить семью, а мужчины погреться в тепле семейного очага и позаниматься детьми. Стоп! В Троицке я не видела ни одного ребенка! И что-то не верится, что туземцы устали. Чем они занимались днем»?

Мы топали по проспекту Маяковского в сторону парикмахерской «Эльжбета», то есть в сторону кладбища. Возле одного из домов на лавочке сидел безногий мужчина и самозабвенно покачивая подбородком растягивал меха гармошки.

«Мой милёнок как теленок,
Только веники вязать!
Проводил меня до дому,
Не сумел поцеловать!
Иииих»!

Данную абракадабру, притоптывая белыми тряпичными туфельками, распевала плотно сложенная круглолицая баба. Таких я видела в фильмах сороковых годов. Жаль, не могу эти фильмы вспомнить. Да и что я могу сейчас вспомнить?

– Вот и пришли, – произнес кто-то над моим ухом.

Я вздрогнула и увидела обеспокоенные синие, в опушке пушистых ресниц, глаза Аркадия. Почему так тревожно стало на душе? Почему задрожали ноги в коленках?

– Прошу, – галантно пропуская вперед, распахнул легкую, не бронированную дверь Феоктистов.

Окрашенный в голубой цвет, отлично освещенный подъезд поразил чистотой и пустотой. Казалось, ни одна живая душа не может проживать в этом мертвом месте. Но душа проживала. И она стояла рядом со мной. Мы сели в лифт, и я ощутила плечом плечо спутника. Сердце встрепенулось и начало выделывать акробатические па. Вышли на пятом этаже и направились вправо. И снова простая деревянная дверь встретила нас советским непритязательным звонком. Аркадий позвонил, и я с облегчением подумала, что в доме кто-то есть. Значит, не будет приставаний и ночи, наполненной недозволенной страстью. Или не с облегчением?

В проеме двери переминалась с ноги на ногу пожилая светловолосая, голубоглазая дама, она внимательно рассматривала меня и улыбалась. Кровь бросилась мне в лицо, ибо эта дама показалась знакомой. Именно её портрет я видела несколько часов назад там, на кладбище Александровска. Дай Бог, чтобы я ошиблась!

Глава 4

– Вы? – дама в байковом халатике и ярком, с рюшами, переднике, кажется, удивилась, но спрятала удивление под пышными, как у Аркадия, ресницами. – Проходите, проходите!

– Вы, – поняла я.

Сомнений быть не могло: передо мной стояла покойница. Это она с укоризной смотрела на меня, когда я облокотилась на ее памятник.

Женщина посторонилась, прижавшись к стенке, а я, чувствуя, что схожу с ума, сделала глубокий выдох и протиснулась в длинный, узкий коридор, обклеенный обоями под красный кирпич. По левую руку находилась небольшая прямоугольная комнатка, прямо – зал, через зал спальня. Типичная советская трёшка семидесятых годов, тогда такая квартирка считалась улучшенной планировкой. По сравнению с хрущёбой так и было, но только по сравнению.

Мебель тоже была советской – полированной. Когда-то полировкой гордились, заботливо натирали ее мягкой тряпочкой, смоченной специальным составом, огорчались, если дети оставляли на блестящих боках «обстановки» отпечатки пальцев. Щербатый дощатый пол покрывали красные войлочные паласы, на стенах висели синтетические ковры. В углу зала пристроилась тумбочка с черно-белым телеви-

зором из прошлого века. Телевизор занавесили связанной на крючке белой салфеткой. Тусклый свет лился из простенькой люстры, снабженной четырьмя лампами накаливания.

– Садитесь, – приказал Аркадий и придвинул мне жесткое кресло с высокой изогнутой спинкой.

Я машинально повиновалась.

– Прасковья Фатеевна, – представилась хозяйка дома и натянуто улыбнулась.

– Кристина, – пролепетала я.

В гостях у покойницы бывать не приходилось. Ну, ежели Прасковья – мертвая, то и Аркадий….

От этой мысли бросило в пот. Говорят, в моем возрасте потеют от начинающейся дисфункции яичников, но в этот раз яичники отдыхали в стороне и с изумлением смотрели на свою потерянную и потерявшуюся хозяйку.

– Хотите чаю? – поинтересовалась дама и, не дожидаясь ответа, двинулась на кухню.

Аркадий удалился тоже, а я, огромным усилием воли взяв себя в руки, стала раскладывать по полочкам ситуацию, в которую попала:

«Спокойно, Кристина, спокойно! Итак, ты потеряла мужа и находишься в городе мертвых, да они не особенно отрицают свою смерть. Но у жмуриков такая же плоть, как у тебя. У них даже есть души, иначе…. Иначе»…

Голова закружилась, я растерялась, так как не знала, как

успешно продолжить сеанс самовнушения, но в слабо-утешительные мысли вторгнулся Феоктистов.

– Скучаете? – Аркадий тяжело сел на диван-кровать, – была такая мебель, – и водрузил на журнальный столик пузатый фарфоровый чайник в синий горошек. – Настоящий цейлонский чай! – с гордостью провозгласил он. – А это сгущенка.

Баночка любимого в детстве лакомства примостилась рядом с дефицитным когда-то напитком.

– Включить телевизор? – спросил хозяин дома и, не дожидаясь ответа, направился к тумбочке с черно-белым ящиком.

После нажатия кнопок на экране возник дорогой Леонид Ильич. Опустив глаза к шпаргалке, он что-то говорил, но я не могла сосредоточиться на его речи, так как, наконец, всё поняла. И этому озарению была рада настолько, что повеселела. Не в мертвый мир я попала, а всего-навсего в параллельный, то есть в прошлое. А потому не надо бояться жителей Троицка! Только вот Мишка…. Как мне его найти? И как попасть домой?

– Этот тортик я испекла как раз к вашему приходу, – проявилась в дверях Прасковья Фатеевна. – Кстати, очень простой рецепт, я могу его надиктовать. Хотите?

– Не люблю печь торты, покупаю их в магазине, – бестактно ляпнула я, но женщина не обиделась.

– Попробуйте конфетку, – протянула она хрустальную вазочку с белыми шариками величиной с грецкий орех. – Я их

сделала из детского молока!

– Какого молока? – не поняла я.

– Детского, – удивилась моей бестолковости хозяюшка. – В магазин завезли сухое детское молоко, вот я и затарилась на несколько месяцев.

Я сглотнула слюну, но притронуться к еде не решилась. А вдруг, выпив глоток чаю и заев его самодельным драже, останусь в прошлом навсегда?

Парочка из Советского Союза сдаваться не собиралась, она шустро накрывала на стол. В тарелочке с голубой каёмочкой уже лежала лоснящаяся от жирка копченая колбаска и она удивительно вкусно пахла, твердый сыр выглядел бледнее, но чувствовалось, что он настоящий, без пальмового масла, а хлеб благоухал так, что закружилась голова. Больше сил терпеть искушение не было, и я набросилась на деликатесы, про которые не раз слышала от родителей.

– Разве не помнишь, как было вкусно? – обычно говорила мама, брезгливо откусывая кусочек нынешнего российского провианта. – Всё делалось по ГОСТу, и на страже здоровья советских людей стояли медицина и санэпидстанция!

– И сейчас делают по ГОСТу, – парировала я, но спор неизменно проигрывала. Ну, не помнила я кулинарных изысков прошлого, так как жила не для того, чтобы есть. Молодость диктовала свои приоритеты.

Пища таяла нектаром во рту, чай обжигал особой свежестью, я и не подозревала, что она такой бывает. Незаметно

я съела и кусочек вкуснейшего торта, он назывался «Птичье молоко» и состоял из толстого бисквита с охлажденной манной кашей сверху.

– Знаете, а я ведь видела ваше фото на памятнике на кладбище, – насытившись, откинулась я на спинку кресла,

– Моё? – удивилась Прасковья Фатеевна. – И прочитали имя, фамилию усопшей?

– Не успела, – призналась я и подивилась растерянному взгляду оппонентки.

Но через секунду этот взгляд потеплел, дама улыбнулась и облегчённо вздохнула.

– Так это моя сестра-близнец, – отозвалась она.

– Мама, у тебя пирог подгорает! – напомнил доселе молчавший Феоктистов. – Гостья еще не пробовала твоих пирогов!

И они встали. Оставшись в одиночестве, я прислушалась к голосу Брежнева. Родители считали его правление самым спокойным в истории страны. Различать слова Первого Секретаря КПСС было сложно, помехи врывались в его речь и делали свое неблагодарное дело. К тому же, экран беспощадно кривил симпатичное лицо властителя СССР. Наблюдая за старостью и беспомощностью оратора, я впервые его пожалела.

– А вот и пирог! – провозгласил Аркадий и торжественно поставил на столик овальное блюдо с выпечкой.

– С сайрой и рисом, – похвалилась Прасковья Фатеевна. –

Позавчера консервы в «Сарделькe» выбросили.

Слово «выбросили» в советские времена не означало, что продукты питания валялись на улице, оно означало, что они появились на прилавках торговых заведений. Это я так, к сведению молодых.

– Расскажите про ваш город, – попросила я Феоктистовых. – И про страну. Какой сейчас год? Какие отношения с Америкой?

– С Америкой, как всегда, холодная война, – усмехнулся Аркадий и его глаза недобро блеснули. – А город – обычный, рядовой.

– Семьдесят девятый год, – встряла Прасковья Фатеевна.

Я родилась в шестьдесят шестом, и в семьдесят девятом мне стукнуло всего тринадцать! Значит, так мы жили. А впрочем, не так уж и плохо жили, зря пугают советским прошлым детей те, кто мечтал о капиталистической вседозволенности. Конечно, продукты приходилось доставать, но зато как уютно и безопасно было при железном занавесе!

Я зевнула. Веки стали тяжелыми, будто к ним подвесили гирьки. И последнее, что хотела спросить, застряло у меня в горле. А хотела я спросить о том, куда деваются горожане днём.

*****

Утро оказалось пасмурным. Я открыла глаза и обнаружила, что лежу на диван-кровати в зале. Переведя взгляд на будильник, тикающий под ухом, вздрогнула. На нем был уже полдень. Потянувшись, я обнаружила, что облачена в длинную ночную сорочку их ситца в горошек, эта сорочка была самодельной. То есть, её сшили дома, а не купили в магазине. Как я попала в постель, кто меня раздевал-одевал, я не помнила. Кстати, вчера я даже не приняла душ и не почистила зубы.

Передернувшись от недовольства создавшейся ситуацией, я подошла к окну и взглянула вниз.

Серые дома, серые, без деревьев и цветов, улицы, полнейшее безлюдье привели в уныние.

Моей одежды нигде не было, я потопала на кухню в надежде увидеть хозяев жилья. Завернув в совмещенный санузел, я не нашла их и там. Обойдя комнаты, я зачем-то заглянула под кровати и в шифоньер. В квартире было пусто.

– Спокойно, Кристина, спокойно, – стараясь успокоиться, медленно проговорила я, – сейчас наемся, оденусь во что-нибудь и пойду в сторону кладбища. Миша, наверное, там. Он меня ищет и поднял на ноги полицию. Кажется, я поняла, где находится портал, он находится в области калитки кладбищенского забора.

Глава 5

Холодильник был полон, и я еще раз поразилась, что во времена вездесущего дефицита в стране люди как-то умудрялись жить сытно и вкусно. Поискав глазами питьевую воду, я вспомнила, что ее не было, а потому из крана наполнила эмалированный чайник и поставила его на конфорку газовой плиты.

Через полчаса я уже стояла возле двери на улицу, а открыв ее, не удивилась безлюдью окружающего пространства. Прохладный сырой ветер по-хозяйски гулял по проспекту, от асфальта поднимался клубящийся белесый пар. Фланелевый халатик, позаимствованный у Прасковьи Фатеевны, не грел, и я пожалела, что не прихватила кофточку из белой ангорки. Аркадия в отместку за спрятанные одежду и обувь я тоже обокрала, на ногах моих красовались его крепко зашнурованные матерчатые кеды, а поскольку они были сорокового размера, время от времени норовили свалиться со стоп.

«И в таком виде мне придется переться в сторону портала, миновать страшную аллею и кладбище», – вздохнула я и сделала шаг навстречу свободе.

Верила ли, что благополучно пройду сквозь этот портал, я не знала. Скорее всего, нет, но отчаиваться не имела права. Я с тоской вспомнила свой дом, упрямых, в свекровь, девчонок, истошно орущих котов и собак, лающих в самый

неподходящий момент и пачкающих задницами вымытые мной на совесть полы. Даже одуванчики неожиданно выплыли из укромных уголков памяти. Как же я их ненавидела прежде! А сейчас готова целовать каждый цветочек и радостно рыдать от этого безумного действа. А еще я пришла к выводу, что полный людей собственный дом – это счастье.

Кстати, почему Аркадий продает сорняки и откуда он их берет? На первый вопрос ответ нашелся мгновенно, достаточно было посмотреть по сторонам: голые, без признаков какой-либо растительности, горизонты приводили в уныние, второй вопрос надо было обдумать. Хотя… что тут думать, Феоктистов затаривается семенами на кладбище, богатом всякой растущей дрянью. А что если жители Троицка с раннего утра тоже пробираются сквозь этот портал? Зачем пробираются? Чтобы наблюдать с памятников за живыми?

Я остановилась. В голове заметались мысли одна невероятнее другой. Угрюмые блочные здания настороженно следили за передвижением незваной гостьи. По спине медленно прошелся холодок, и я, с трудом отрывая стопы от липкого асфальта и проклиная земное притяжение, побежала. Казалось, дома бросились вдогонку. Наверное, прошел целый час, прежде чем я выбралась из мертвого города, в котором ничто не напоминало о ночном потоке хохочущих, пляшущих и орущих песни людей. Кстати, в Троицке нигде не валялись фантики от конфет, бутылки от пива, обрывки газет и …… что еще могло валяться в советские времена?

Чем дальше я удалялась от населенного пункта, тем гуще становился туман, он карабкался все выше и выше и, наконец, закрыл видимость полностью. Единственное, что ещё было подвластно зрению – голые черные верхушки пирамидальных тополей.

– Двигаюсь в правильном направлении! – стараясь успокоиться, громко объявила я, но в моих внутренностях тревожно запорхали бабочки.

– Насекомых здесь тоже нет, – бодрая интонация принесла свои плоды. – Нет даже комаров и мошек! Мало того, что твари пьют кровь, но они еще выделяют в организмы пострадавших объектов какую-то гадость, от которой образуются болезненные шишки и жутко начинают чесаться места укусов.

Беседа с самой собой приободрила. Я глубже вдохнула промозглый воздух невидимой аллеи, выставила вперед руки и побрела дальше. Шаг за шагом, шаг за шагом я упорно двигалась к цели. Неожиданно янтарный лучик проткнул густую мглу, которую, казалось, можно резать ножом. Он брызнул искорками и растянул в разные стороны грязно-серые стенки моей вакуумной тюрьмы. Под ногами заблестела сырая мелкая галька, такая, какая украшает песчаные пляжи на море.

Узкая тропинка уходила вправо, она манила за собой беспечным чириканьем воробьев. В той, другой, жизни пернатые разбойники клевали завязи и ягоды, а потому мы посто-

янно их гоняли.

«Направо пойдёшь – коня потеряешь, себя спасёшь; налево пойдёшь – себя потеряешь, коня спасёшь; прямо пойдёшь – и себя и коня потеряешь», – мелькнуло в голове изречение из какой-то сказки. Я, словно богатырь с картины Васнецова, «Витязь на распутье» стояла перед выбором, от которого зависела моя жизнь.

Впереди и по левую руку висела плотная завеса тумана, а тут…

Тропинка была устлана белым песочком, он притягивал взгляд, а вместе с ним и все мое естество. К тому же кеды Аркадия упорно не желали держаться на ногах и слетали при каждой возможности – мой тридцать восьмой размер их категорически не устраивал. Резкий цветочный аромат неожиданно ворвался в легкие, секунда, и я уже зашагала навстречу свету и завораживающему вокалу радующихся жизни пичуг. Постепенно тропинка расширилась, уже дорожка уверенно вела меня в неизвестность. Сил воспротивиться фортуне не было, я обреченно плыла по течению.

Золотое поле встретило меня сладкими запахами, за ним виднелось несколько маленьких белых домиков. Я с надеждой вгляделась в эти домики, а потом опустила глаза. Миллионы одуванчиков, обдуваемых легким зефиром, весело качали желтыми головками.

Словно спринтер, я рванулась к деревеньке, чтобы удостовериться, что она не является миражом. Кеды слетели,

но одуванчики не кололись, они ласково касались моих стоп и будто обнимали их. Казалось, я парю в воздухе, но это чувство закончилось возле первой избушки.

Пять подсолнухов затеняли подслеповатое окошко с мутным бычьим пузырем вместо стекла. Дом выглядел бутафорским, и плетень тоже, да и вся обстановка дворика наводила на мысль, что здесь снимают сериал про казаков позапрошлого века.

На некрашеном крылечке сидел мужчина в длинной расшитой орнаментом рубашке, подпоясанной тонким кожаным ремешком. Мужчина был немолод, наверное, лет шестидесяти. Длинные висячие усы делали его худой лик скорбным. Он сосредоточенно глядел в одну точку и чем-то думал.

– Здравствуйте! – набравшись храбрости, подала голос я.

– Будьте здоровы! – повернулся ко мне всем корпусом незнакомец. Мгновение, и широкая улыбка преобразила его лицо.

– Как называется этот хутор? – переминаясь с ноги на ногу, спросила я.

– Корнеевка, – мужчина поднялся и пошел. – А меня Леонтием прозывают, Леонтием Силычем Корнеевым. Наш род здесь спокон веков живет.

– Очень приятно, – попятилась я. – Не могли бы вы помочь мне попасть в Александровск?

– Подсоблю, конечно, – остановился Корнеев. – Не пужай-

ся, я не ем людей.

– Пожалуйста, – не веря в неожиданно привалившее везение, взмолилась я. – Пожалуйста, помогите, меня на кладбище ждет муж, он волнуется, а я тут попала в какой-то странный населенный пункт. Там, представляете, торгуют одуванчиками! И еще там нет детей. Совсем нет! А жители Троицка исчезают в дневное время и появляются в городе только ночами.

– У детей свой город, – равнодушно пожал плечами Силыч, залез в карман рубашки, вынул из кисета табак, не спеша набил им клочок газетной бумаги и поджег самодельную папиросу.

И мне показалось равнодушие мужчины напускным, так как заскорузлые от сельского труда пальцы его с землей под ногтями мелко задрожали.

– У детей свой город? – не поверила я. – А кто за ними ухаживает?

– Предки, – выпустив дым после долгой затяжки, хрипло произнес Корнеев и засуетился. – Чаво мы гутарим во дворе, айда в хату! Значится, ты приспела сюда с кладбища.

– А когда мы туда пойдем? – понизила голос я.

– Вперед чайку попьем, – недобро усмехнулся Леонтий. – Значится, одуванчики в Троицке продают. А почем?

– Не спрашивала, – растерялась я. – У вас их и так много….

– Сичас это называется питомник, – торжественно про-

возгласил Корнеев. – А исчо мне выдалось взрастить подсолнухи. Вишь там стоят! Братяня ромашку вывел, грядка ромашки у него в палисаде, тятя татарник поднимает, им коз кормит. Только никто этот татарник брать не хотит, ромашку просят, а ее сичас мало. Остается надёжа на одуванчики, скоро семена дадут. Продам их, корову куплю.

– И чем корову кормить будете? – удивилась я.

– Татарником, – встрепенулся Корнеев. – У деда в огороде борщевик есть, но от борщевика козы поносят.

– Борщевик ядовит, – словесная галиматья Силыча начинала утомлять. – Скажите, почему у вас не растут дикоросы? Нефтехимический завод Александровска их уничтожил? А тогда почему погост утопает в сорняках?

– Потому что усопшие никому не надобны, – тяжело вздохнул Корнеев.

– Усопшие? – вздрогнула я, в животе вновь запорхали бабочки. – При чем тут усопшие?

– При том, – отмахнулся Леонтий. – Айда в хату, грю.

Я с неохотой повиновалась.

В сенях, занавешенных тяжелой паутиной, пахнуло прелостью. Вход в жилище Силыча был настолько низким, что пришлось наклониться. Дощатые полати, большая русская печь и черный от времени деревянный стол составляли все ее убранство. За столом, отвернувшись к окну, кто-то сидел, в темноте горницы я смогла разглядеть мужской силуэт.

– Проходь, проходь. – ткнул меня сзади кулаком Корнеев,

сердце мое рухнуло в пятки, но я сделала шаг.

Мужчина медленно повернулся на голос.

– Кристина, ты? – хрипло произнес он и стремительно поднялся навстречу.

Я вновь шагнула вперед и остановилась возле незнакомца.

Глава 6

Мир рушился, он складывался карточной колодой и рассыпался в разные стороны, потом снова складывался и снова рассыпался. Где-то завыл гудок паровоза, он выл до тех пор, пока я не поняла, что это сработала сигнализация в моей голове. Надо было срочно спасаться, но спасение не представлялось возможным.

«Спокойно, Кристина, спокойно»! – эти слова всегда поддерживали в трудную минуту, и я их произнесла так громко, как только могла.

– Она падает, – голос издалека заставил очнуться. Синева глаз из-под черных бровей стала еще ярче, губы еще нежнее, молодая кожа обтягивала высокие скулы и спускалась на сильную, мускулистую грудь….

– Дядя Гена, – с трудом выговорила я, – вы же умерли, дядя Гена. Я видела вашу заброшенную могилку.

– Я умер? – брови удивленно поползли вверх. – С какой стати я умер? А могилка занята другим человеком, да… Дело в том….

Ширяев, видимо, подбирал слова. Он нервничал.

– Делов-то, – встрял сзади стоящий Силыч. – Ну, занял и занял, пущай поживет. А чё, ты супротив нашенских порядков?

В его голосе послышались угрожающие нотки.

– Она не против, – заступился за меня дядя Гена. – Правда, девочка?

«Девочке» было пятьдесят, но я не обратила внимания на подвох и даже не подумала, что неразделенная любовь моего детства сейчас годится мне чуть ли не в сыновья. Зато безумно захотелось верить помолодевшему другу папы.

– Я бы мог назваться другим именем и заявить, что там лежит мой брат близнец, о котором никто понятия не имел, и я в том числе, так обычно поступают многие в нашем мире, – усаживая меня на полати, ласково проговорил дядя Гена. – Но ты бы все равно меня раскусила. Так ведь, Кристина?

Я кивнула.

– В таком случае будем откровенны, – осветился своей особенной, фотогеничной, улыбкой фотограф Ширяев. – Мы находимся в….

Сейчас он скажет, сейчас я узнаю, сейчас….

– Погодь, – неожиданно закричал Силыч. – Погодь, Геннадий. Наворкуетесь исчо ночью.

– Как… ночью? – похолодела я. – Вы же только что обещали проводить меня до Александровска!

– Проводю, – успокаиваясь, неопределенно хмыкнул Корнеев, – но завтра. Хотишь чаю?

Сдерживая слёзы, я замотала головой, чаю не хотелось. Зато на ум пришла замечательная идея.

Всегда считала ложь позорной, но выбирать не приходилось.

– Леонтий Силыч, – льстиво прошептала я и заговорчески ему подмигнула. – Леонтий Силыч, а хотите, я буду вашим дилером?

– Кем-кем? – опешил Корнеев.

– Буду поставлять вам дикоросы. А вы станете их продавать. Или засадите ими целые плантации. У вас будут расти ромашки, зверобой, мята, душица. Или цветы! Любите розы?

– Розы? – пожал плечами Силыч. – Розы? – повторил он. – Кажись, я их помню. Плохо помню. Ребятенком в барынином саду видел. Тятя у неё садовником работал.

Что и требовалось доказать. Надежда окончательно рухнула, мне стало дурно, но показывать свой страх и свою беспомощность я не имела права. Во имя мужа, во имя дочек, во имя жизни в своем таком уютном и красивом мире, который я когда-то не ценила.

– А хотишь, я покажу тибе тятин татарник, дюже пользительная вещь! – раскраснелся от заманчивого предложения Корнеев. – А опосля погутарим о делах.

– Хочу, – играть роль восторженной идиотки приходилось впервые. – Ах, этот бесценный чертополох! Он чистит организм и поднимает иммунитет! Значит, в мире мертвых тоже есть работящие и знающие народную медицину люди!

Ширяев дернул меня за подол платья и выразительно покосился на хозяина дома.

– Не смей так гутарить! – хозяин отмер от моего словоблу-

дия и сердито топнул ногой, обутой в кирзовый сапог. – Какой чертополох? Какой мир мертвых? Это ты из мира мертвых вместе со своим чертополохом!

– Хорошо, хорошо, – поняв, что сболтнула лишнее, заискивающе пробормотала я. – Простите меня, пожалуйста. Итак, непременно идем к вашему тятеньке.

– Идем, – повторил за мной умиротворенный моей безропотной реакцией на его воспитательную тираду Корнеев.

Мы вышли во двор, я огляделась. Три бутафорских побеленных известью домика стояли в сторонке, возле одного из них паслась белая козочка. Когда мы проходили мимо, она подняла на меня печальные кроткие глаза и выразительно замекала. И мне показалось, что я увидела на её щеках слёзы.

«Галлюцинация от нервного срыва», – приняла решение я. Все, что окружало меня в данную минуту, казалось сплошной галлюцинацией.

Точно такой же, как у Леонтия, двор настороженно встретил не прошенных гостей, только в небольшом палисаднике росла чахлая ромашка обыкновенная. То есть, не аптечная.

– Игнатий, – постучал в косяк двери Корнеев. – Игнатий, подь сюды!

Ждать долго не пришлось, из избы вышел богатырь под два метра в сатиновой косоворотке, он потягивался и зевал. Русые волосы в стрижке «под горшок», глубоко посаженные

серые глаза, крупный нос и вывернутые наружу пухлые губы делал его внешность незабываемой.

«Гипофизарный великан, – ёкнуло у меня в груди, – как Петр Первый».

– Баба? – разглядев меня, удивленно пробормотал Игнатий. – Откуда взяли?

Я почувствовала, как бывший сосед сжал мой локоть.

– Сама взялась, – хихикнув, потер руки Леонтий и обратился ко мне. – Братяня то мой единородный.

Под тяжелым взглядом великана я почувствовала себя раздетой и на всякий случай пощупала подол халата.

– Айда в избу, – поманил нас ручищей Игнатий. – Молока попьем, тятя утречком доставил.

«Леонтию где-то шестьдесят, Игнатию пятьдесят-пятьдесят пять, – наблюдая за покойниками, тем временем рассуждала я. Теперь сомнений в том, что я попала на тот свет, не осталось. – Сколько же лет их отцу, если он держит скот»?

– Где их женщины? – шепотом спросила я у Геннадия. Дядей Геной называть молодого мужчину язык не поворачивался.

– В другом месте, – тоже прошептал он.

– Сколько человек живет в Корнеевке? – мое любопытство зашкаливало.

– Четверо, и все мужики.

– Кто четвертый?

– Ну что, ступаем? – обернулся к нам Леонтий. – Потом

к тяте и деду наведаемся.

– Дед в хате, – разулыбался великан.

– Зачем? – недоуменно проговорила я. – Зачем вы решили знакомить меня со всеми своими родственниками?

– Узнаешь исчо, – Силыч начинал психовать. Реагируя на настроение хозяина, его усы повисли двумя тонкими, лоснящимися от жира, плетями.

Внезапно я поняла, что Леонтий давно не мылся. И тут же ощутила запах прелой листвы, идущей от его тела. И бывший сосед давно не мылся. И этот братяня тоже. Повертев головой по сторонам, бани я не увидела. Находясь среди покойников, можно подхватить какую-нибудь инфекцию. Мне ли, окончившей медицинский институт, этого не знать? Но план, благодаря которому я могу получить свободу, требовал ангельского терпения. Надо взять себя в руки, надо непременно взять себя в руки!

Те же грязные сени, пахнущие плесенью, та же более чем скромная обстановка в горнице, тот же отвернувшийся к окну человек за столом. Полумрак. Затхлость. Смерть. Хочется завыть от непередаваемого словами ужаса.

– Здравствуйте, – лепечу я и стараюсь изобразить улыбку.

– Здорово, коли не шутишь! – поднимается навстречу человек. Он высокого роста, рыжий, в веснушках.

– Дед, она пришла к нам сама, – докладывает сзади Силыч.

– У нас будет баба! – радуется дед. – Наконец, у нас будет баба!

– А она ничего, – оглядывает меня, как вещь, Игнатий. – Справная.

– Погодите загадывать, – неожиданно громко произносит Геннадий. – Она ……жена моего сына, невестка.

– Как… сына? – возмущаются покойники.

Я вспоминаю Валерку, он совершенно не похож на отца, так как лицо ему досталось от тёти Шуры. Он младше меня на пять лет, но Гена сказал. Гена хочет меня спасти.

– К тому же, я сделаю вас богатыми, – через туман, постепенно обволакивающий меня, говорю я и стараюсь не провалиться в этот туман, – только проводите меня в Александровск. Я привезу вам цветы. Много цветов. Вы засадите ими свои участки. А потом станете их продавать, цветы продавать: розы, тюльпаны, флоксы, ирисы… цветы, много цветов….

– Ей плохо, нужен воздух, – слышу я обеспокоенный голос дяди Гены и падаю в тягучую, холодную бездну.

Глава 7

В подслеповатое окошко старалось заглянуть солнце, но растянутый вместо стекла бычий пузырь всеми силами сдерживал его проникновение. Пахло сыростью, землёй и еще чем-то особенным, непонятным, вызывающим тошноту. С потрескавшейся маточной балки потолка свисала тяжелая серая паутина, она раскачивалась, словно маятник, несмотря на то, что затхлый воздух в жилище замер, будто настороженно прислушивался к чему-то. Абсолютная тишина, обреченность, смерть.

Я лежала на полати, укрытая изъеденной молью шалью. Шаль мерзко благоухала нафталином. Но именно нафталин привел меня в чувство. Перед мысленным взором возникла картинка из прошлого, в котором мама старательно укладывает в сшитые ею матерчатые пакеты зимнюю одежду.

– Почему вместе с людьми Бог создал насекомых? – морща лоб, говорит мама. – Куда не посмотришь, везде маленькие твари осложняют человеку жизнь. В саду на каждое культурное растение по десятку специализирующихся на нем вредителей, в доме заняли нишу моль, тараканы, клопы, на улице гнус.

Да, в те времена еще существовали тараканы и клопы, потом они исчезли, выжила только моль…. Кстати, куда делся колорадский жук, уже второй год картофель стоит чистый?

Ах, если бы мама знала, что её несчастная дочь сейчас мечтает услышать даже жужжание мухи! Или писк комара. Если бы только знала, где она сейчас! Теперь-то я понимаю, что смерти нет, но от этого не легче. Не хотела бы я когда-нибудь оказаться в таком пакостном месте, как эта Корнеевка, или в Троицке с его безумными жителями и бесстыдно обнаженной местностью, в которой даже не растут сорняки.

Скрип открывающейся двери заставил вздрогнуть. Вошел дядя Гена.

– Выспалась? – как ни в чём не бывало спросил он и улыбнулся своей особенной голливудской улыбкой. – Здесь хорошо спится.

– Как в могиле, – съехидничала я.

Дядя Гена поперхнулся слюной и затряс головой.

– Тебе надо бежать отсюда, – откашлявшись, проговорил он.

– Как? – желчно усмехнулась я. – Туман не даст выйти к кладбищу, а если удастся его миновать, мертвецы остановят на полпути к выходу в город.

– Мертвецы не смогут остановить, они в состоянии просто с завистью наблюдать за тобой. Чем же еще покойникам целый день заниматься? – грусть промелькнула в словах бывшего соседа. – Живых надо бояться, девочка. Живых!

– Расскажите об этом мире, – вдруг решилась попросить я. – Что он из себя представляет?

– После кончины физических тел те, кого не взяли в рай

и не опустили в ад, перемещаются в так называемые параллельные миры, – не удивился моему вопросу Ширяев. – Основная масса приговорённых к параллели целый день вынуждена находиться на кладбище и только ночью отдыхать от него. Представляешь, как тяжело им видеть свои неприбранные могилки? Кто-то, отбыв наказание, селится в хуторах и занимается сельским хозяйством. Почему именно сельским хозяйством, ведь для него нет никаких условий, я не знаю. Корнеевы, за давностью лет, освобождены от повинности. Но им не повезло, их жёны похоронены на другом погосте. Вот и кукуют вчетвером без женщин.

– Им до сих пор нужен секс? – насторожилась я и с содроганием вспомнила сальные волосы и грязные руки покойников.

– Им нужна женская ласка и нежность, – печально проговорил дядя Гена. – А также вкусный обед и выстиранная одежда.

– А где ваше место жительства? – чувство жалости поднялось из глубин моего подсознания. – Явно не в Корнеевке.

– Не в Корнеевке, – согласился бывший сосед. – Когда я умер, Шура с детьми уехала на север, там нашел хорошо оплачиваемую работу Валерка. Он и Люду, можно сказать, выдал замуж за своего сотрудника. Я остался один-одинёшенек. Как-то, уже после кончины жены, попытался оставить свой труп и перебраться поближе к ней, не удалось. Конечно, за самоуправство меня наказали, я провел полгода в аду.

Если бы ты знала, как там жутко… Но я терпел и молился.

– В аду! – обомлела я. – Расскажите о нём!

– Потом как-нибудь, – поморщился дядя Гена.

– Где вы сейчас проживаете? – любопытство взяло верх над страхом и мне показалось, что я окончательно взяла себя в руки.

– В Троицке, – горько усмехнулся Ширяев. – С Леонтием мы познакомились в преисподней, он отбывал наказание в пять лет. Здесь, в параллели, раз в неделю нам предоставляют выходной, и мы вольны провести его где хотим. Вот я и оказался у Силыча в гостях.

– Всем предоставляют? – вспоминая пустые улицы мертвого города, не поверила я.

– Не всем, – мотнул головой Геннадий, – только образцово-показательным. В выходные наши люди разлетаются по всему свету и, изображая привидения, пугают живых. Особенно любят они старинные замки с приветливыми фантомными хозяевами. В некоторых из них даже устраиваются балы.

– Не хило, – хмыкнула я. – А что Корнеевы? Им не дают отпуска?

– Они сами не хотят путешествовать. Говорят, устали. А когда накапливается усталость, хочется оказаться ближе к Богу, – вздохнул бывший сосед. – Единственное, что их радует, это свидания с женами, но свидания очень редки, а женской ласки хочется каждый день.

Мне снова стало плохо, я с ужасом представила похотливые руки грязных жмуриков. Причем, сразу четверых.

– Тебе надо бежать, – вернулся к первоначальной теме Ширяев. – Я попробую помочь, девочка.

– Да? – обрадовалась я, хотя всё во мне кричало о неверии в успешность отчаянного мероприятия. – Когда?

– Сегодня ночью, – тихо проронил бывший сосед и приложил указательный палец к губам. – А пока веди себя примерно и изображай желание привезти сюда гору самых разных цветов.

Я закивала, но тотчас вспомнила о намерениях Корнеевых сделать меня общей женщиной. А что если они приступят к криминальным действиям немедленно? Уголовники не боятся вернуться в тартарары?

– За что сидел в преисподней хозяин дома? – осмелилась спросить я.

– Довел до самоубийства кого-то, – пожал плечами бывший сосед. – О своем проступке он особенно не распространялся.

За окном послышались шаги, я вздрогнула, Ширяев вскочил с полатей. Через минуту скрипнула дверь, вошел Леонтий и подозрительно покосился на товарища по адовым нарам.

– Сейчас ухожу, – отрапортовал ему дядя Гена. Его щеки запылали. – А Кристина должна отдохнуть. Она очень устала. Не тревожь её, пожалуйста.

– Предлагаешь бросить её одну для сбега? Уж не мнишь ли ты воротить жену сыну? – Силыч занервничал. – Даже ради нашего дружества не пойду на это.

– Понял уж, что не отпустишь, – Геннадий длинно и долго вздохнул. – Хотя Валерия жалко, но тут ничего не поделаешь. Придется смириться. А ты успокойся, девочка, – это он обратился ко мне, – и научись послушанию. Поскольку живая, станешь выбираться в Александровск, покупать семена цветов и сумками приносить их сюда. А еще будешь покупать саженцы. Так ведь?

– Так, так, – закивала я.

– И тогда Корнеевка превратится в цветущий сад! – с пафосом провозгласил Геннадий.

– Яблоневый, подобно как у барыни, – неожиданно загорелся идеей Леонтий, – в ребячестве я уважал антоновку.

– А еще у вас будут груши и сливы, – дядя Гена вошел в раж, – клубника и малина, вишня и смородина, крыжовник и ирга!

Силыч сглотнул слюну, глаза его приняли бессмысленное выражение, такое, какое бывает у загипнотизированной факиром кобры. Он чуть ли не раскачивался, слушая волшебные речи сладкоголосого оратора.

– Из Троицка станут приезжать снабженцы, чтобы покупать семена, и тогда никто не сравнится с Корнеевыми в богатстве! – продолжал обольщать хозяина предприимчивый гость. – Вместо этих хижин вы построите дворцы с ваннами,

во дворах возведете фонтаны!

Накал страстей достиг предела, и Леонтий наконец сдался. Он опустился на полати и мечтательно заулыбался.

– Вот и ладно, вот и молодец, – перевёл дух Ширяев, – значит, договорились.

Я тоже перевела дух. В конце тоннеля забрезжил свет.

– Столковались, – подтвердил хозяин и искоса взглянул на меня. – Передыхай пока, поешь, харч я тебе доставил, а утречком мы за тобой приспеем.

Он встал. За ним поднялся дядя Гена.

– Мужа бросишь? – уже у выхода обернулся Силыч.

– Брошу, брошу, – подтвердила я и подумала, что никогда этого не сделаю. Теперь-то уж точно никогда. Если удастся выбраться наружу, я буду самой любящей женой и матерью на свете. Я стану любить всё в своем мире и ценить всё стану. Даже одуванчики.

Глава 8

Тьма медленно сгущалась по углам. Кажется, на потустороннюю землю опустились сумерки. Совсем скоро в каменных джунглях мертвого Троицка начнется столпотворение, а в моем, живом, мире сядут пить чай с мятой и тимьяном. Над крышей обвитой диким виноградом беседки, желая друг другу спокойной ночи, зачирикают воробьи, в траве застрекочут кузнечики. А еще начнут петь колыбельные самые любимые мной птахи – труженицы, красавицы трясогузки. Дочки и зятья перед сном решат поплавать в бассейне, Миша проверить свои владения. Вечерами он всегда их проверяет, будто кто-то втихую отважится отщипнуть кусок от его дома или участка. Какая же благодать окружала меня, а я обращала внимание на мелочи типа проросших сорняков, шипящих котов или пачкающих ламинат собак!

Крупные капли дождя хлёстко застучали по крыше, устланной допотопным серым шифером. Стало зябко. Я плотнее укуталась в шаль и чуть не задохнулась от нафталина. Неясная тень промелькнула в окне, я насторожилась. Сейчас откроется дверь и войдет дядя Гена…

Дверь действительно открылась, в сырую, не протопленную избу ворвался промозглый ветер с запахом плесени. Я взглянула на бычий пузырь, мгновенная темень ватным одеялом упала на крохотную Корнеевку, затерянную в огром-

ном незнакомом пространстве, не разгаданном самыми лучшими человеческими умами.

Вслед за буйствующим ветром, словно бестелесное привидение, бесшумно вплыл бывший сосед. На нем красовался длинный, мышиного цвета, плащ с капюшоном, закрывающим верхнюю половину лица. Я опустила глаза к полу и вздрогнула. Ноги пришельца не доставали до черных, немытых никогда досок.

Предупреждая мои вопросы, Ширяев приложил палец к губам и ладонью поманил за собой. Словно сомнамбула, я встала и пошла. На дворе грязным, рваным туманом распласталась заколдованная тишина. Стоял полнейший штиль, и я еще раз поразилась непредсказуемости погоды в мире покойников.

– Осторожно – прошелестел голос провожатого, – смотри вниз.

Скользкая жижа лежала на беспросветной от отсутствия луны земле. Она чавкала и засасывала мои вмиг озябшие босые стопы в свои неизведанные болотные глубины. Мелкие камешки кололи нещадно, но я, сжав зубы, решила выключить боль из реальности и перевести её в область подсознания. В той, прежней, жизни у меня это получалось.

Темная фигура, скользящая впереди, не проронила ни звука, пока мы не дошли до одуванчикового поля. А там ненавистные прежде цветы с состраданием обвили мои израненные в кровь ноги. Стало легче.

Я оглянулась. Еле освещаемые несколькими мерцающими звездочками четыре приземистые избушки могильными изваяниями плотно вросли в твердь нашей загадочной планеты.

– Не отвлекайся, – послышался голос дяди Гены. Он говорил глухо и незнакомо, будто выдыхал слова через трубу и они, распадаясь на гласные, эхом рассеивались в застывшем воздухе.

Подчинившись приказу, я вновь последовала за бывшим соседом.

И тут появилась луна. Она зловещим красным диском нависла над пирамидальными тополями или тем, что от них осталось. Черные тени молниями прорезали разверзнувшееся небо, раздались леденящие душу вопли странных, плохо различимых во мраке существ, похожих на больших летучих мышей.

Каждый шаг причинял боль, но я в надежде на освобождение оставляла боль на потом.

– Пришли! – остановилась тень и обернулась, в проеме капюшона блеснули зрачки. Именно зрачки! В них бесновались два крохотных пламени.

– Куда пришли? – не в силах оторваться от адовых костров, прошептала я и подумала, что до кладбищенской калитки, наверное, далеко.

– Туда, куда нужно, – большой рот раскрылся в продолжительном выдохе, и тогда я окончательно осознала, что пе-

редо мной не Ширяев.

– Кто вы? – ахнула я и ощутила, как горячие ручейки пота побежали по спине. Они не грели, они вызывали боль и раздражение.

– Назад дороги нет, – чеканя слова, провозгласил незнакомец. – Только вперед!

– Значит, в ад? Но я живая! – отчаянно крикнула я.

– Это легко исправить, – усмехнулся монстр и протянул ко мне руки.

– Нееееет! – кто-то орал нечеловеческим голосом, и этот кто-то был похож на меня. Я видела его со стороны, будто смотрела американский ужастик. Отчаянно захотелось отойти от телевизора или еще лучше, грохнуть по нему чем-то тяжелым.

– Нееееет! – вопила я и падала, падала куда-то вниз.

*****

– Кристина! – меня настойчиво тормошили за плечо. – Кристина, что с тобой?

Я боялась открыть глаза, потому что не верила своему слуху. Он меня обманывал. К тому же, варварски насмехался надо мною.

– Очнись! – мое запястье оказалось в чьих-то цепких пальцах. Прощупав пульс, пальцы разжались.

– Жива! – обрадовался до боли родной голос. – Жива!

Сквозь белесую пелену стал медленно проступать силуэт мужчины. Он становился все яснее и яснее.

– Мишенька! – я плакала и смеялась. – Что со мной, Мишенька?

– Возможно, обморок, – обнял меня супруг. Его голос подозрительно задрожал. – Твой сотовый был постоянно недоступен, потому я решил пуститься на поиски. Еле нашел, на зов ты не откликалась.

– Сколько продолжались поиски? – я отстранилась, чтобы поглядеть в глаза любимому. – День, два?

– Час, не больше, – удивился Михаил.

– Мне привиделся кошмарный сон, – не веря своим словам, прошептала я и попробовала встать. Коленки подгибались, сердце колотилось. Почувствовав боль, я взглянула на стопы – они были босыми.

– Кстати, недалеко нашел твои кроссовки, – протянул обувь Миша. – Зачем разулась-то?

– Наверное, меня разули, – медленно проговорила я и недоуменно пощупала край фланелевого халатика.

– И переодели? – усмехнулся супруг. – Кто? Здесь никого нет! Как же я не заметил, что ты притащила с собой этот незнакомый прикид.

– В том то и дело, что никого.

– Успокойся, Кристина, – положил мне горячую ладонь на плечо Миша,. – главное, ты жива. Сейчас навестим Романа и вернемся к авто.

– К Ромашке не пойду, – заупрямилась я. – Если бы он, как всегда, не спрятался, я бы не испытала того, что испытала.

– Не пойдешь, будешь жалеть, – покачал головой Михаил. – Приедем домой, обратишься к терапевту и психологу. Видимо, ты сильно перенервничала.

Я вздохнула, обулась и не найдя прежней одежды, игнорируя навязчивые взгляды покойников, поплелась за мужем вглубь заросшего репейником погоста. Квартал, еще квартал, теперь уже детский, с маленькими крестиками, ангелочками на фасадах постаментов и игрушками в цветочницах.

«У детей свой город», – вспомнила я и остановилась.

– Не задерживайся, скоро вечер, а вечерами в этом месте находиться нежелательно! – скомандовал Миша.

– Да, да, – согласилась я и поспешила за живым человеком.

Преодолевая препятствия в виде беспорядочно нагроможденных оград и скамеечек, я усиленно ломала голову над загадкой, которую загадал мне злой рок. Где я находилась в часовой разлуке с супругом: в беспамятстве на кладбище в окружении памятников или в реалии за его пределами в оцеплении покойников?

– И все же я находилась на кладбище! – громко произнесла я, стараясь придать своим словам уверенность. – Из-за низкого гемоглобина и хронической усталости упала в обморок и видела страшный сон! А как-же тогда фланелевый халатик и где мои повидавшие виды тряпки?

– А вот и Ромашка, – раздвинул тяжелые ветки ели Михаил.

Могила брата с потемневшей фотографией на мраморе заросла осокой и чертополохом, а потому супруг надел хлопчатобумажные перчатки и стал вырывать с корнем сорняки. А когда их ликвидировал, довольно улыбнулся.

– Пусть земля ему будет пухом, – вставая, объявил он.

– Нет! – возразила я и пожалела, что потеряла гвоздики. – Царствие ему Небесное и не дай Бог никому оказаться в Троицке!

– В Троицке? – Миша заботливо потрогал мой лоб. – Ты горишь, уходим.

Мы развернулись. Вытоптанная дорожка, которой пробрались на искомое место, исчезла, будто ее никогда и не было.

– Странно, – закусил губу супруг, а я задрожала от страха.

– Появилась, – повеселел муж, обнаружив тропинку в другом месте. – Вперед!

И снова квартал за кварталом, квартал за кварталом, – через мегаполис с физическим останками когда-то живых людей.

А вот и забор, окрашенный в ядовитый синий цвет. Скоро будет калитка! Или я снова брежу?

– Гляди-ка, – неожиданно остановился Миша, – какие древние захоронения!

– Отстань, – сквозь слезы прошептала я.

– Четыре могилы и у всех одинаковые фамилии, – присвистнул супруг.

– Какие такие фамилии? – захлюпала носом я. – Надо скорее выбираться из этого дьявольского лабиринта!

– Корнеевы, – громко прочитал Михаил. – Силантий, Леотий, Игнатий и… четвертое не читается, стерлось временем.

Я резко обернулась. На середине одного из крестов, как ни странно, сохранилась полуистлевшая фотография.

Повинуясь внутреннему порыву, я подошла к ней и пристально всмотрелась в искаженные веками черты лица. Да, несомненно, это был он, – тот самый Силыч, встретивший меня в мире, лишенном живой красоты!

*****

Выбрались на свободу мы тогда быстро. Какая-то сила будто вытолкнула нас наружу. Меня тошнило, я размазывала слезы по лицу, но была по-настоящему счастлива. Ибо все поняла.

«Лексус» терпеливо ждал хозяев. Я плюхнулась в салон и разрыдалась.

– Странная ты какая-то, – послышался голос Мишки. – Уж, не к психиатру ли тебе на прием записаться?

И тогда я бросилась его целовать.

Эпилог

Полшестого. Я вышла на крыльцо и сладко потянулась. Где-то в отдалении закукарекали петухи. Солнце еще не взошло, но небо готовилось к его приему. Пахло ночной фиалкой и флоксами. Их ароматы смешивались и наводили на мысль, что ночь и день одинаково красивы. В доме спали муж, дочки, зятья, собаки и коты. Даже собаки, которые поднимали своих хозяев ни свет ни заря, чтобы засонь выгулять.

Я прошла к бассейну и с наслаждением вдохнула влажный воздух его застывшего в предвкушении нового дня голубого содержимого. На трепещущую от легкого ветерка ветку вишни опустилась трясогузка и, раскланявшись, вежливо поздоровалась со мной. Я улыбнулась и кивнула. Прожужжала пчелка, ей тоже не спалось. Она попыталась крылышками погладить мою щеку, но я не оценила ее благого намерения, а потому отмахнулась.

А затем взглянула вниз. Возле забора в аккуратно подстриженном газоне проклюнулся на свет Божий одуванчик. Он еще не раскрыл своего бутончика, но обязательно раскроет. И тогда на помощь большому солнцу выглянет крохотное солнышко, чтобы осветить этот мир светом и любовью.

Необычайный вояж черного Мерса

Глава 1

– Едем, – скомандовал муж, отворяя дверь нашей квартиры в половине третьего пополудни, – надеюсь, ты собралась?

Конечно же, собралась, но я никак не ожидала, что мой великолепный Лебедев прибудет в родные пенаты так рано. Еще бы, генеральный директор фирмы, отпрашиваться-то не у кого. Но отпросился. У самого себя.

Давно хотела повидать сестренку, а машину водить не умею. В такси опасно, какой еще водитель в смысле профессиональной и сексуальной благонадежности попадется. В автобусе же… только не это. В молодости несколько раз ездила в автобусе и помню, как он пыхтя бензиновым перегаром, словно старый алкоголик с циррозом печени, тяжело плелся за прущими танками фурами и услужливо пропускал вперед шустрые, не обремененные ожирением легковушки. Тогда самой большой мечтою было примчаться в родной город на белой «Волге». А сейчас у нас «Мерседес». Черный металлик. И водит его Юрик. Юриком, Юрием Николаевичем зовут моего супруга. Водителей он не признает. Видимо, как и я, им не доверяет.

Я быстренько запихнула кое-какие вещички в баул и вру-

чила мужу.

– Снова набрала, – взвешивая в руках поклажу, поморщился генеральный директор.

«Ему бы только штаны в кресле протирать», – недовольно подумала я.

– Кирпичей накидала? – не унимался зануда.

Откуда ему знать, что я накупила подарков для всех многочисленных потомков сестрицы, среди них числились даже ноутбуки, планшеты и смартфоны. Для меня такие презенты не обременительны, а у Ирки четверо детей и множество детей у этих детей. Я в них даже запуталась. А еще нет мужа, ведь Ирка гордая. И принципиальная. Решила развестись со своим Левушкой и развелась, оставив спиногрызам долги и нищету. А Левушка всего-то навсего один раз гульнул налево.

У меня дочка, сын и два мальчика. Я не приемлю слово «внуки», потому что не вижу себя бабушкой. И зовут меня мальчики Анной. Анна, так Анна, хотелось бы нежнее, но я на них не обижаюсь, глупые еще.

– Анна, – нахмурился нагруженный под завязку супруг, – ставь квартиру на охрану и немедленно спускайся.

Вот, «немедленно», еще бы скомандовал: «шагом марш». Хорошо, что я вышла замуж не за лейтенанта, а то был бы мой великолепный Лебедев непременно генералом.

На лестничной клетке на подоконнике сидел мужик. Обыкновенный мужик, если не считать окладистой бороды,

коричневой рубашки навыпуск, подпоясанной тонким ремешком, и неопрятных кирзовых сапог. Кирзовые сапоги я видела только в кино, но зрительная память у меня отменная.

– Едете в Кумертау? – не здороваясь, спросил меня обладатель раритетной обувки.

– Окуда знаете? – удивилась я.

Кумертау был моим родным городком, оттуда меня увез в мегаполис Юрка, и находился в пяти часах езды от Уфы.

– Может, подкинете? – впился цепкими зрачками в мою дорогущую сумку бородач.

Взгляд мужика мне не понравился.

– У нас полный комплект, – соврала я и поразилась, что это у меня хорошо получилось.

– Ну, ну, – недовольно покачал головой незнакомец.

Тут подоспел лифт, и я запрыгнула в него с чувством облегчения. А на парковке меня ждал муж. Он нервничал, потому что привык нервничать, когда кто-то опаздывал. И мы тронулись. Юрка водил машину изумительно, и я еще раз подумала, что если бы он не стал директором, то обязательно бы стал шофером. Уже давно я смутно подозревала, что шоферить Лебедеву нравилось больше, чем руководить лентяями, но лентяями руководить его заставляли деньги.

За город мы выехали быстро, так как чиновники, наконец, освоили денежные поступления от налогоплательщиков не в свою пользу, а потому распорядились построить объ-

ездную дорогу. Доехав до пригородного Булгакова, мы остановились, чтобы забежать на базар за цветами. Купив букет астр, тронулись в путь.

Ирка обожала астры и говорила, что по цветочному гороскопу она астра, а потому это неприхотливое растеньице приносит ей удачу. А удачи Ирке я желала больше всего на свете, ведь она была моей старшей сестрой и в отсутствие родителей нянчила меня в свои неполные пять лет.

Внезапно прежде ясное солнечное небо заволокло тучами, резкий порыв ветра тряхнул наш «Мерс» вправо, и я вскрикнула от ужаса.

– Не паникуй, – откуда-то из тумана послышался повелительный голос Лебедева.

Машина остановилась. Тягучая завеса постояла перед глазами несколько минут, а потом рассосалась, открыв нашему взгляду путь дальнейшего следования.

Дорога была пуста и ущербна. Многочисленные ямы и выбоины диковинными узорами красовались на захиревшем от старости асфальте. Я оглянулась по сторонам. Тот же лес приветливо помахивал нам верхушками, тот же рельеф местности радовал глаз…

– Не кажется ли тебе, что деревья стали как будто пониже? – несмело поинтересовалась я у супруга.

– Вздор, – хмыкнул Юрка и нажал на газ.

Меня он считал глупенькой, несмотря на то, что я окончила филфак университета с красным дипломом. Окончила,

но начать работать не успела. Юрик не хотел, чтобы его жена работала. Он хотел, чтобы я покоряла вышестоящее начальство своей красотой. Ладно хоть ради карьеры не подкладывал меня в постели сластолюбивым боссам.

Тишина, разлившаяся в погустевшем воздухе, угнетала, и я снова посмотрела в окно. Рядом с нами виляла пухлым задом желтая машина неизвестного производства. В том, что марка авто была старая, причем очень старая, сомневаться не приходилось. Закругленные бока и выпученные фары, как у испуганного ребенка, вызвали снисходительную усмешку, ведь такого уродства сейчас не делают даже в Тольятти. Но машина сияла заносчивой новизной, каким-то шокирующим самодовольством, и она будто не замечала соседства с дорогущим «Мерсом».

– Умельцы, – скривил губы генеральный директор.

Проводив взглядом удравшего от нас умельца, я закрыла глаза и вспомнила, что всю ночь прочитала Мураками, потянуло в сон.

– Анька! – услышала я встревоженный голос Лебедева. – Анька, проснись!

Дорога исчезла. Нет, она, конечно, не исчезла, но это была не трасса, а самая обыкновенная грунтовка.

– Где мы? – оглядываясь по сторонам, прошептала я и почувствовала, как душа устремляется в пятки.

Глава 2

– И куда ты меня завез? – прошептала я, напряженно вглядываясь в побледневший профиль красивейшего на свете мужчины.

Впервые в жизни я предъявляла претензию великолепному Лебедеву.

– Как-то все внезапно, – растерянно произнес супруг, – не поверишь, но асфальт испарился за долю минуты, и машины испарились. Растаяли.

– Давай назад, – неожиданно для себя распорядилась я.

Но сзади стоял непроходимый лес, а грунтовка сворачивала направо.

– Едем вправо, – продолжала командовать я, ибо привыкшего руководить в нормальных человеческих условиях генерального директора охватил ступор.

И мы повернули.

Нависшие ветки безжалостно царапали металлик, но наше растерявшееся авто упорно продвигалось в неизвестном направлении.

Через четверть часа лес расступился и явил изумленному взору большую деревню, лежащую под пригорком, на котором находилось средство нашего передвижения.

– Какая длинная, – вертя головой по сторонам, присвистнула я. – Вон там, кажется, клуб, а вон там – школа. И фер-

мы, как много ферм! Смотри, птичники! И пруд с огромным количеством уток! Ничего себе, богато живут!

Юрка молчал и машинально крутил руль.

Мы выехали на сельскую дорогу.

Впереди задумчиво шла женщина в старомодном крестьянском платье и словно тяжелоатлет тащила на могучих плечах коромысло с наполненными под завязку ведрами. Она явно не слышала приближения тачки, и Лебедев посигналил. Женщина резво подпрыгнула, и коромысло грохнулось на землю, щедро одаривая «Мерседес» липучей серой грязью. Как по команде, стайка босоногих пацанят высыпала из ближней избушки и бросилась наперерез автомобилю.

«Какие странные», – успела подумать я, как странные мальчишки в рубахах навыпуск облепили наше железное сокровище со всех сторон.

Они назойливо галдели, бесцеремонно лапали блестящую поверхность машины, а я все больше и больше убеждалась в том, что попала в нереальный затерянный мир.

– Староверы, – отмирая, нашел объяснение случившемуся Юрка, – сиди, я проведу с ними пятиминутку.

– Еще бы совет директоров, – хихикнула я.

– Батюшки светы! – заорала тетка, метнувшая коромысло себе под ноги.

Судя по вдохновенному лицу Юрия, он читал вертлявым пацанам выученный назубок доклад, но те никак не желали его докладу внимать. Так как окно машины было наглу-

хо закрыто, я не слышала ничего, кроме нечленораздельных воплей юных баптистов.

И тут до меня дошло то, о чем я не помышляла еще за секунду до своего открытия.

Женщина не крестилась.

Оттолкнув обнаглевших подростков, Юрка забрался в салон и закрыл на защелки двери. На нем не было лица. И я боялась спросить, в чем дело.

– Тридцать седьмой год, – внезапно простонал муж. – Понимаешь, мы попали в тридцать седьмой год.

Я не понимала, не хотела понимать, но каким-то особым чутьем осознавала, что он прав.

– Где будем ночевать? – жалобное всхлипывание вырвалось из моей груди.

– Какое – ночевать! – покрываясь пятнами, завопил Юрка. – Как мы отсюда выберемся? В понедельник комиссия из министерства!

– Но сегодня только пятница, – с опаской поглядывая на невероятно любопытных предков, прибывающих к непрошенным гостям с быстротой крылатых ракет, прохрипела я.

– Глупая, – впервые в жизни обругал меня Лебедев. – Ты понимаешь, что нам теперь отсюда никогда не выбраться!

Слово «никогда» резануло уши и застряло где-то в области сердца.

Постепенно гомонящая толпа расступилась и пропустила к авто невысокого русоволосого мужчину средних лет.

– Отворяйтесь, – мужчина повелительно постучал в окошко «Мерседеса».

Мы поняли его приказ интуитивно, Юрка опустил стекло.

Незнакомец вселял доверие.

– Председатель колхоза «Ленинская правда» Лука Матвеевич Медведев, – представился он, подавая руку бледному, как мел, Юрке. – Кто такие и откуда прибыли в Князево?

А сам настороженно стал ощупывать глазами кожаный салон нашего железного прибежища.

«Колхоза, – тем временем стала рассуждать я, – наверное, где-то до сих пор благополучно живут и здравствуют колхозы-миллионеры, и Юрочка ослышался про тридцать седьмой год. Этого не может быть, потому что не может быть никогда».

– Обыкновенные граждане из Уфы, – пришла я мужу на помощь. – Вот, видите ли, ехали, никуда не сворачивали, а попали неожиданно к вам. Вы староверы?

И почувствовала локоть супруга в своем боку.

Медведев нахмурился. Постепенно к сборищу зевак начали присоединяться новые члены секты.

Все молчали, говорил только их немногословный пастырь.

– А в Уфу как попали? – многозначительно изрек он.

– Да это ж диверсанты! – заголосил куцый мужичонка с бородавкой на носу.

– Иванов! – прикрикнул на мужичонку местный гуру. – Почему не в поле? И все остальные почему покинули рабо-

чие места?

«Или пастырь? – напряженно думала я. – Или председатель общины? Как все сложно!»

– Айда ко мне, – внезапно предложил Медведев. – Открывай дверь, товарищ! Улица Ленина, изба пятьдесят четвертая.

Он уселся на заднее сидение, и мы поехали, растолкав бампером шайку новоявленных лыковых.

Дом, к которому мы припарковались, был устаревшей архитектуры, бревенчатый, со ставнями, не хуже и не лучше остальных жилищ староверов.

Или колхозников?

Я уже ничего не понимала.

– Проходите в сени, – пригласила меня вышедшая из избы женщина в архаическом платье с умным, тонким лицом сельской учительницы.

Авто произвело на нее впечатление.

И я нехотя вылезла из укрытия.

– Загоняй машину! – скомандовал Лука Матвеевич генеральному директору, раскрывая хлипкие деревянные ворота, – настоящее сокровище для угонщиков.

– А толку? – округляя глаза, пробормотал Юрка.

– Не бойтесь, – звонко рассмеялась женщина. – У нас не воруют.

Заглушив мотор, Лебедев обреченно поплелся за мной.

В сенях висела сбруя и еще много каких-то неизвестных

предметов.

– Меня звать Варвара Никаноровна, я жена председателя колхоза, – улыбнулась хозяйка, когда мы зашли в небольшую комнату, разделенную на две части большой побеленной печью. В одной части обосновалась уютная кухонька, в другой зал с двумя занавешенными цветастым ситцем крохотными спаленками.

– А где образа? – неприлично глазея по сторонам, удивилась я.

– Какие образа? – нахмурился Лука Матвеевич. – Мы коммунисты.

И тогда все поплыло у меня перед глазами.

Глава 3

Когда я пришла в себя, генеральный директор фирмы мирно пил чай с председателем колхоза и о чем-то беседовал, а Варвара Никаноровна сосредоточенно тыкала мне в нос ватку с нашатырем.

– Ну вот, – облегчено вздохнула добрая женщина и положила на мой лоб прохладную мозолистую руку, – теперь можно и вечерять.

Лебедев не обращал на меня внимания, и это было странно.

Я вздохнула и покорно побрела за хозяйкой. В голове вертелся вопрос, который, как ни странно, не давал мне покоя.

«Возможно, Варвара Никаноровна из бывших аристократов, – метались тревожные мысли в моем мозгу. – но об этом в тридцать седьмом году говорить опасно»

– Вы учительница? – рассматривая ее благородные черты, поинтересовалась я.

– Лекарка, – подошел Медведев и приобнял намечающуюся талию жены, – заведующая фельдшерско-акушерским пунктом.

Большой самовар дымился на краю не покрытого скатертью деревянного стола, рядом с ним в глиняной миске лежали баранки. В тарелках стыла пшенная каша.

– Не успела пирогов испечь, – весело проговорила лекар-

ка, – у Компарты температура поднялась, пришлось ехать аж в Мамоново. Хорошо, что хрипов в легких не услышала.

– Компарты? – сглотнул слюну Лебедев. – Странное имя.

– А что? – поднял лохматую бровь Лука Матвеевич. – У нас еще и не такие имена детишкам давать стали. Например, Дазвсемир, то есть «Да здравствует всемирная революция» или Даздраперма – «Да здравствует Первое мая».

– Дасдрасперма, – открыла рот я и подумала, как будут называть девочку сверстники. Спермой?

– А в Савельеве Даздрасмыгда – «Да здравствует смычка города и деревни» родилась, – поддержала мужа фельдшерица, – неделю назад роды принимала.

Невольная судорога от едва сдерживаемого смеха промелькнула на Юркином лице, но она не осталась незамеченной.

– Сразу видно, что вы несознательные, – внезапно нахмурился председатель. – И машина у вас странная, не советская.

– Да уж, не советская, – подтвердила я и получила под столом пинок от Юрки

– Кушайте-кушайте, – пододвинула ко мне чашку с чаем хозяюшка.

Чай был, по-видимому, грузинский. Такой пили в доперестроечные времена, и он отличался присущей ему терпкой горечью.

Каш я не любила, баранки не переваривала, а оттого сде-

лала несколько глотков и вежливо извинившись, заявила, что плотно поела в пути.

Муж последовал моему примеру.

– Это новая модель правительственного авто, – неожиданно начал врать генеральный директор. – А что на капоте английские буквы, то это шифровка, чтобы не узнали, что я….

Юрка многозначительно замялся.

Что он несет!

– Ах, да, – густо покраснел Лука Матвеевич.

Еле справившись с неловкостью, я отвела взгляд в сторону и вспомнила о детях и внуках. А еще о Ирке и подарках ее семейству.

За окном слышался гомон, то сельская общественность, ослушавшись вожака, бурно обсуждала наш «Мерс».

– В понедельник приезжает секретарь райкома товарищ Еремеев, – напомнил жене председатель колхоза, – надо угостить хорошенько.

А сам пристально поглядел в честные глаза гостя.

Солнце клонилось к закату, голоса во дворе умолкли, и я остро почувствовала, как отчаяние цепкими лапами лезет мне за пазуху.

– Почивать пожалуйте, – отодвинула ситцевую шторку Варвара Никаноровна, – утро вечера мудренее.

На полутораспальной железной кровати лежала самая настоящая перина и возвышались огромные пуховые подушки.

«Почистить бы зубы», – вздохнула я, но к машине выйти

не осмелилась.

– Моемся только по субботам, то есть завтра, – поняла мой тоскливый взгляд хозяйка.

И мы завалились спать. Нас заботливо задернули занавеской, легли сами, и тут же ритмично заскрипела соседняя койка. Хозяева зря времени не теряли.

«Есть ли у них дети? – подумалось тогда мне. – И как нам отсюда вырваться»?

– Никак, – ответил на мой безмолвный вопрос Лебедев. – Через два дня приедет секретарь райкома и нас увезут в органы.

Скрип прекратился.

– Может, бежать? – привстала на локте я.

– Куда? – с сарказмом хмыкнул супруг, – Кругом леса, дороги не знаем, того и гляди бензин закончится.

– АЗС в лесу не найти, – покорно согласилась я и беззвучно заплакала.

А потом почувствовала руку на своем плече. Самую родную руку на свете. И я прижалась к ней губами, а потом моментально отключилась, будто кто-то невидимый внезапно погасил свет.

Утро пришло быстро, так как хозяева встали засветло.

Сначала завизжала кровать, затем, громко зевая, фельдшерица загремела плошками. Хлебая какую-то похлебку, смачно зачавкал председатель.

От этого чавканья мне стало плохо.

Юрка не спал. Даже в рассеивающейся темноте было видно, что он смотрел в потолок.

– Интересно, работает ли в тридцать седьмом мобильник, – прошептала я мужу на ушко.

– С какой стати? – отмахнулся он и снова стал чужим и далеким. Словом, генеральным директором большой фирмы.

И я вспомнила о загородном доме, который мы забросили из-за того, что приходилось долго до него добираться. Время – деньги, так любил говорить Лебедев. Снова деньги, пропади они пропадом. Поехали бы к Ирке на автобусе, не попали бы в эту дурацкую ситуацию.

Кстати, дом находился в противоположной от Булгаково стороне. Если бы мы отправились в Кумертау из коттеджа, сейчас какой-нибудь другой наш современник гостил бы во времени правления Сталина.

– А Интернет? – игнорируя недовольство супруга, ляпнула я.

– Товарищи, – неожиданно послышался голос Варвары Никаноровны, – поднимайтесь, утренничать будем.

– Зубы бы почистить, – всхлипнула я.

Юрка молчал, он никак не реагировал на мои всхлипы, а потому пришлось успокоиться.

Мы обреченно встали, вышли во двор. «Мерс» уныло приткнулся к кусту смородины, и мне почудилось, что он проплакал всю ночь.

Я влезла в салон, взяла мыло, зубные щетки, пасту и уже

хотела выйти из машины, как почувствовала, что сижу на чем-то твердом.

Привстав, я выудила из-под себя прямоугольный предмет. Нажав на кнопочку смартфона, я обнаружила, что она загорелась зеленым огоньком.

Глава 4

– Юрочка, – бросилась я на шею мужу, – мобильник работает!

– Это батарейка работает, – проворчал Лебедев и попытался отодрать от шеи мои руки.

– Надо попробовать дозвониться до двадцать первого века, – горячо зашептала я, – давай спрячемся за сараем.

Впервые генеральный директор подчинился своей жене. И мы засели в кустах смородины, как заправские заговорщики.

– В «контактах» Иркина фамилия стояла первой, потому что Ирка была Абыкиной. И когда она выходила замуж, сказала мне, что с удовольствием бы поменяла Абыкину на Лебедеву.

Я тогда рассердилась, приревновала Юрку к сестре, а потом остыла, потому что остываю всегда, даже тогда, когда остывать не следует.

Внезапно, будто сговорившись, заблеяла неизвестная живность, закукарекал петух, закрякали утки.

– Заткнетесь вы когда-нибудь? – прошипела я.

Ирка ответила сразу.

Мы моргали и не могли поверить в чудо.

– Ань, ну что ты придуриваешься? – выслушав мое повествование, возмутилась старшая сестрица. – Насколько

помню, ты всегда была фантазеркой. Ну, не захотела приехать, не обижаюсь. Дети тебя, конечно, ждали. И внуки.

Дети и внуки ждали не меня, а моих подарков, это я знала точно.

– Разве не слышишь зверские вопли? – я чуть не плакала.

– От безделья развела животных в загородном доме? Работников наняла или сама развлекаешься? – подколола счастливица из будущего.

Можно подумать, она заработалась!

– И что вы тут делаете? – рассмеялся кто-то за нашими спинами.

Мы разом вздрогнули, разом повернулись и увидели жену председателя колхоза.

Она беззаботно показывала белые острые зубки, но ее зрачки, ее колкие зрачки цепко держали в поле зрения мобильник с не отключившейся Иркой и ее возмущенным ором.

– Варвара Никаноровна, – поднялся на ноги Юрка и льстиво обнял за плечи женщину, – Варвара Никаноровна, мы вам все объясним, только пройдемте в коттедж.

– Коттедж? – не поняла та, но нехотя повиновалась.

Одним нажатием пальца я ликвидировала Иркин ор и последовала за мужем.

В избе никого не было, Лука Матвеевич отправился в поле. Там убирали рожь и пшеницу.

– Понимаете, – дико вращая глазами, шумно зашептал Ле-

бедев. – Мы неясным образом попали сюда из две тысячи четырнадцатого года.

По постепенно раскрывающемуся рту фельдшерицы было видно, что та опешила.

– Это телефон, – ткнул ей в нос притихший мобильник Юра, – это мобильный телефон. С него можно позвонить куда угодно.

– Даже в Америку? – сглотнула слюну Варвара Никаноровна.

– Даже в Америку, – радостно подхватил Лебедев.

Я схватилась за голову.

И это говорит осмотрительный доныне супруг, от которого вчера получила пинок только за то, что подтвердила, что «Мерседес» не советского производства!

– А еще у нас есть ноутбук, – цепляясь за соломинку видимого понимания собеседницы, похвастался безумец. – В ноутбуке есть скайп, по которому можно разговаривать со всем миром.

– И с империалистами? – живо поинтересовалась фельдшерица.

– И с ними, – ликующе закивал супруг.

«Что же он делает, ведь он подписывает нам смертный приговор», – ахнула я.

Но вслух этого не сказала, вслух я сообщила хозяйке дома, что у мужа бывают приступы белой горячки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.